

Т.П. Шастина

ОЙРОТИЯ – ГОРНЫЙ АЛТАЙ: НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ В РАННЕСОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ («ГОРЫ» В.Я. ЗАЗУБРИНА)

В статье рассматривается книга В.Я. Зазубрина «Горы» в контексте раннесоветского романа об Ойротии как восточной национальной окраине. Наделение пространства Русского / Горного Алтая новым именем – Ойротия – интерпретируется как его перевод в категорию воображаемого. Хороним Ойротия соответствует мифологии «нового мира», идеально позволяя писателям конструировать пространство начального этапа советского национального строительства. Книга Зазубрина разительно отличается от одностадиальных идеологически маркированных «ойротских» текстов онтологической тематикой. С вечностью и незыблемостью природного порядка связана в романе линия коренного населения высокогорья – алтайцев.

Ключевые слова: Ойротия, алтайцы, национальные меньшинства, В.Я. Зазубрин, роман, идеология.

Слово «Ойротия» (так с момента своего создания в 1922 г. стала называться Ойротская автономная область – национально-территориальное образование на юге Сибири) можно отнести к лексической группе «географическая народная номенклатура», т.е. слова для обозначения ландшафтов и географических явлений, которые русские насельники Сибири «не находили в своем привычном словаре» [1. Ст. 633]. Как хороним той эпохи *Ойротия* встраивается в тематическую цепочку, порожденную положенной в основу создания СССР идеей грандиозного переустройства жизни на «одной шестой части суши»: союз, совет, социализм, «необъятная родина», республика, нацмены (национальные меньшинства) и т.п. Реальной величиной того гигантского советского мифотворчества была только территория¹ (в рас-

¹ Образно названная В.Л. Каганским *советским обитаемым пространством* [2].

смаатриваемом нами случае – Русский / Горный Алтай¹), все остальное можно считать категориями воображаемыми².

Воображаемое как ментальный культурный конструкт рассматривается в неразрывной связи с процессами символизации и идеологизации: «Идеологическое является носителем мировоззрения, стремящегося навязать представлению смысл, искажающий реальность, как фактическую, так и воображаемую. Идеологическое силой воздействует на «реальность», заставляя ее втискиваться в рамки предвзятых представлений, и это «силовое воздействие» отчасти роднит его с воображаемым» [3. С. 7–8]. «Идеологическое всегда запечатлено в текстах и, соответственно, только через них может быть понято» [6].

Русский (Горный) Алтай в силу своей удаленности от всех культурных центров страны и специфичности его горных ландшафтов, в силу достаточно позднего вхождения в состав имперских пространств и этнической пестроты его населения был и остается в русском сознании пространством скорее воображаемым, нежели представляемым³. Воображаемый (литературный) Русский (Горный) Алтай конструируется в рамках фронтирного, колониального (ориентального), миссионерского и идеологического дискурсов.

Воображаемость Ойротии закодирована самим названием – на территории Русского Алтая *ойроты* никогда не жили, на *ойротском языке* его субэтносы не говорили, ойроты (ойраты) – это западные монголы⁴. Еще на начальной стадии ревизионистского прочтения истории наций и национализма в СССР Ю. Слезкин отметил, что

¹ Бытовавшую в раннесоветскую эпоху информацию о нем с практически исчерпывающим списком литературы см.: [1. Ст. 62–83].

² Воображение «относится не к репродуктивной области, или, иначе говоря, к простому преобразованию в мысленный образ, а к области изначально креативной, поэтической <...> Фантазия увлекает воображаемое за пределы интеллектуального представления» [3. С. 7]; следовательно, «история воображаемого имеет собственные, особые исторические источники, созданные человеческим воображением: это произведения литературы и искусства» [3. С. 8]. Изобретение ментальной карты Восточной Европы Л. Вульф рассматривает как «наделение этих реально существующих земель некими придуманными или мифическими свойствами» [4. С. 516]. Обзор работ по проблеме ментального картографирования см. [5].

³ См., например, в XXII и XXVII частях романа В. Сорокина [7].

⁴ Современные этнографы считают, что этноним «ойрот» – это полустертый след исторической памяти предков современных алтайцев. «До сих пор само понятие "ойрот" продолжает иметь для алтайцев не последнее значение и воспринимается, скорее всего, как этнополитический термин, связанный с историческим прошлым. О том времени, когда предки пережили государственность в составе Джунгарии, алтайцы говорят "ойрот-йй", тех правителей называют "ойрот-каан", народ "ойроттор» [8].

национально-территориальные образования в Советском Союзе получали названия по языку титульной нации [9. С. 343] – Бурятия / Бурят-Монгольская АССР (буряты, бурятский язык); Якутия / Якутская АССР (якуты, якутский язык); при всех административно-территориальных преобразованиях Бурятия и Якутия сохранили свои названия до сей поры, а слово Ойротия после 1948 г. (когда автономная область стала именоваться Горно-Алтайской) перешло в разряд архаизмов.

История заселения Русского Алтая ко времени создания СССР представлялась весьма смутно, и этноним *ойрот* можно считать, скорее, экзотизмом – «Сибирская советская энциклопедия» называла его то «восстановленным названием» коренных тюркских племен [10. Ст. 105], то «возникшим после революции» [10. Ст. 89]. Но одно не вызывает сомнения – новизна названия новой автономии и её жителей вполне соответствовали мифологии «нового мира»¹.

В раннесоветской литературе² Ойротия³ чаще всего представляла идеальным пространством для развертывания грандиозной идеологической акции в сфере советского *национального строительства*⁴. Серьезные художественные обобщения опыта создания «нового мира» стали возможны на рубеже 1920-х гг. (как эпохальные события тогда отмечались пятнадцатилетие советской власти, десятилетие создания СССР).

Самым первым романом о национальных отношениях в советской Ойротии стала книга украинского писателя В.З. Гжицкого «Черное озеро (Кара-кол)», написанная в 1928 г. и вышедшая в переводе на русский язык в 1930 г. Алтайцы в книге были описаны ималогогически: их видят и о них рассуждают приезжие из столицы ученый-историк и художник, которые не могли даже подумать, что

¹ На материале русской литературы первой трети XX в. таковая рассмотрена Т.А. Никоновой [11].

² В узком смысле *ранним советским периодом* в истории русской культуры (литературы) называются 1920-е гг., шире – первая треть XX в.; исследование литературных явлений в ракурсах политика поэтики / политика vs поэтика [12] позволяет четко отграничить этот период временем начала Большого террора – 1937 г., жертвами которого стали все самые талантливые авторы, писавшие об Ойротии: В.Я. Зазубрин, В.А. Итин, П.Я. Гордиенко, Н.Н. Зарудин, И.И. Катаев, Л.П. Мамет.

³ Актуальную на тот момент информацию об Ойротской автономной области см.: [10. Ст. 85–104].

⁴ Современный исследователь интерпретирует эту политику таким образом: создает-ся образ «бессудной земли» <...> с которой Москва обращается согласно правилу наибольшей классовой выгоды, хотя бы для этого требовалось умерщвлять целые народы» [13. С. 26].

на одиннадцатом году революции может процветать такая дикость, приводящая к постепенному вымиранию этой нации. Еще до встречи с местными жителями шовинистическую характеристику алтайцев ученый слышит из уст русского возницы: «В местечке живут преимущественно ойроты, жители горного Алтая – нация, можно сказать, пустая <...> живут в юртах, не умываются, не признают бань, едят конину, пьют араку <...> а русского человека не уважают» [14. С. 8].

Герои романа идеологически четко сгруппированы. В курортном местечке с восхитительными горными видами (Чемал) писатель собрал: 1) столичных интеллигентов: историк Смирнов наблюдает и анализирует национальные отношения в автономии, подчеркивая неприкрытую ненависть алтайцев к русским; художник Ломов эмоционально переживает природную роскошь и стремится запечатлеть её, вписывая в пейзажное полотно девушку-алтайку как символ естественного человека, борющегося с темными силами; инженер Манченко изучает природные богатства и планирует светлое будущее региона на основе развития гидроэнергетики и добычи природных ископаемых; 2) национальную интеллигенцию, образ которой создается на основе представлений сибирских областников: доктор Темир, учитель Токпак и его дочь Таня – для них мир вне Алтая не существует; 3) врагов советских преобразований в Горном Алтае: шамана Натруса, богача Мабаша, Триша. При этом все персонажи-алтайцы обеспокоены мыслями о вымирании или о потере национальной идентичности (растворении этноса в советской действительности), а приезжие уверяют их словами партийных лозунгов, что только в составе СССР нации могут существовать и процветать.

Шаман, описанный как припадочный мракобес и факир-заклинатель змей в одном лице, возглавляет стихийный протест жителей долины против всего нового, отождествляемого с русским влиянием, которое несет с собой «туча бледнолицых чертей» (при этом в его высказываниях причудливо соединено несоединяемое – бурханизм и шаманизм). Жители Прикатуны начинают совершать массовые жертвоприношения. «Никакие запреты властей не могли приостановить хищнического истребления животных. Разве этот запрет мог проникнуть в глубину диких гор? И покрылись они виселицами, на которых раскачивались конские шкуры. Алтайцы молились богам добра и зла...» [14. С. 109]. Идеологема дикости и отсталости оттеняется традиционным для сибирского текста русской культуры архетипом медвежьего угла (символична гибель шамана в лапах медведя).

Известно, что Гжицкий был на Алтае с киноэкспедицией¹ создателя украинского кино А. Довженко, изучая ойротов как отсталый народ. Все признаки отсталости, входящие в сталинскую модель восточных наций, были им обнаружены и описаны в романе, но идеологическое столкновение научной объективности и творческой субъективности в оценке этого народа оказалось в пользу последней – за искажение сталинской национальной политики автор попал в лагерь.

Другой «пухлый» роман из «сибирской жизни», действие которого происходит в Бийске, в предгорьях и – частично – в горах Алтая [17], можно назвать своеобразным подступом к национально-освободительной теме на ойротском материале, так как речь в нем шла в том числе и об идеологических разногласиях между «бунтующим Каракорумом» под руководством художника Гуркина и бийскими большевиками, не желавшими признать самостоятельность национально-территориального образования, созданного в Горном Алтае после Февральской революции на основе большевистских идей о праве наций на самоопределение. В разгромной рецензии «Сибирских огней» роман был назван книгой «почти без любви... но с идеологией», «кривым зеркалом алтайской действительности 1914–1917 гг.» [18. С. 125]. Критике были подвергнуты фоновая картина богатой и сытой жизни Алтая в предреволюционные годы и несоответствие событийного ряда исторической фактографии. Имя его автора Евгения Волчанского (Чанского) ныне совершенно забыто. Известно только, что он «студентом был сослан в Бийск в годы первой мировой войны. После установления Советской власти стал комиссаром промышленности и торговли» [19. С. 60].

Первым русским романом об Ойротии стали «Горы» В.Я. Зазубрина. Он сумел практически реализовать задекларированное на праздновании пятилетия журнала «Сибирские огни» право сибир-

¹ Как форма изучения жизни советских окраин киноэкспедиции в рассматриваемое время были весьма популярны. Режиссер А.Е. Разумный, снимавший методом погружения в жизнь алтайцев, используя порой скрытую камеру, игровой фильм «Долина слез» (в сюжете долина слез при советской власти превращается в долину счастья и труда) в 1924 г. в Ойротии, в долине р. Кан, вспоминал: «В те годы перед нами встала задача – отражение жизни разных народов, объединенных в единый Советский Союз. Коммунисты «Пролеткино» выдвинули идею создания цикла картин о малых народностях, культура и быт которых были изучены очень плохо» [15]. При съемках таких фильмов, как показывают И. Дашибалова и А. Базаров на примерах бурят, делался «упор на культурную дистанцию, экзотичность сообщества, ориентализм, акцент на инаковое, «другое». Кинообразы бурят в документальной кинохронике выполняли просветительскую функцию как этнографический рассказ о народе, но при этом несли идеологическую составляющую как демонстрация архаики и отсталости в противовес социалистическому укладу жизни» [16. С. 183].

ских писателей на создание крупной эпической формы – «многоэтажного небоскреба» романа. Известный всей стране как автор раннесоветского бестселлера – первого *советского романа* «Два мира» (выдержавшего при жизни автора 12 изданий), один из идеологов и организаторов Сибирского союза писателей, Зазубрин задумал трилогию об алтайском крестьянстве в период коллективизации. Он успел напечатать только одну её часть – роман «Горы» («Новый мир», 1933)², поэтика которого вызвала в момент публикации характерную для литературной ситуации тех лет полемику (так, два дня длилось обсуждение романа в оргкомитете Союза писателей, выступавшие оценивали произведение в ракурсе «биологическое vs социальное» [26], и все же книга, при всех её недостатках, главным из них был назван натурализм³, тогда была признана «советской, нужной и полезной».

Действие романа разворачивается в высокогорном селе Белые Ключи⁴ и в его окрестностях, где живут кондовые кержаки и алтайцы. Замкнутость, отгороженность этого пространства (настоящего «медвежьего угла») от всего мира подчеркивается эпитафией: «...им же высота яко до неба, и в горах тех клич и говор: и секут гору хотящие просецися. Нестор. Летопись, 1096 год» [29. С. 169]. Для понимания замысла романа важен летописный контекст эпитафии –

¹ «...Мы имеем право на постройку многоэтажных (Индия, Китай, Монголия, Сибирь) каменных небоскребов-романов. Он (Сибирский союз писателей. – Т.Ш.) будет строить свои небоскребы романов, и строить их достойными и страны, и эпохи» [20. С. 201].

² Традиционно историю создания романа исследователи реконструируют по переписке В. Зазубрина с М. Горьким, опубликованной в «зазубринском» томе «Литературного наследства Сибири», поскольку сам Зазубрин на экземпляре романа, врученном Горькому, написал: «Дорогому Алексею Максимовичу – человеку, которому обязаны своим существованием в советской литературе как эта книга, так равно и её автор, – с чувством глубочайшей признательности, готовый рука об руку с Вами в любую схватку» [21. С. 304–305]. Без ссылок на источник это делает Г.В. Кондаков [22]; редактор серии «Литературное наследство Сибири» Н.Н. Яновский в своей работе о Зазубрине тоже обращается к опубликованному эпистолярию [23. С. 207–223]; на оживленную переписку между писателями по поводу романа «Горы» указывает А.В. Горшенин [24. С. 442]. Корпус опубликованной переписки был расширен Л.В. Суматохиной [25. С. 426–522].

³ Кампания по борьбе с формализмом и натурализмом в советском искусстве начнется позднее, в январе 1936 г., см. отправные идеологизированные тексты, с которых началась дискуссия [27].

⁴ Возможно, выбор названия для кержацкого села был сделан под впечатлением от редакторской работы Зазубрина над первой публикацией А. Коптелова в «Сибирских огнях» – рассказом «Антихристово время». Действие в рассказе Коптелова разворачивается на кержацкой заимке «Белый ключ», которая «...затянулась в темно-синие ущелья гор» [28. С. 93].

рассказ Гюряты Роговича, передающего, в свою очередь, рассказы югорцев о недавно открытом ими чуде – о людях, замкнутых в непроходимых горах [30. С. 107–108].

Идея замкнутости и отдаленности в модели художественного пространства романа опирается не только на географические особенности высокогорья, но и на беловодский миф¹. Чудные люди живут в Белых Ключах – необычные, непонятные, странные для главного героя произведения – *расейского* Ивана Безуглого, который в начале романа после долгого отсутствия возвращается в Белые Ключи в качестве уполномоченного по хлебозаготовкам.

В Сибири он был в ссылке, потом в годы Гражданской войны воевал в алтайском высокогорье, был тяжело ранен; там погиб его брат; в горах отряд Безуглого покончил с есаулом *Огородовым*². В начале романа восприятие Иваном гор окрашено острым чувством возвращения к жизни после ранения, чувством, вновь и вновь оживающим в нем в самые неподходящие моменты принятия политических решений. На лоне природы Иван ощущает себя естественным человеком (образ первобытного предка неоднократно встает перед ним). «Он слушал, как шевелятся и сосут влагу корни травы. Человек был счастлив. Он был жив и здоров» [29. С. 178]. Горы в воспоминаниях полны силой лета, солнца, сочатся медом: «Безуглому казалось, что кругом в траве бьются медовые жилки и мед течет по ним со всех гор прямо в пасеку» [29. С. 176]. Со знанием дела описывает Зазубрин срезку пантов маралов, качку меда, охоту на медведей, баню – традиционные занятия сибиряков, связанные с обретением силы. В первой части романа создается ощущение, что в этом медвежьем углу Безуглый обрел наконец свой угол, незыблемость гор ощущается им как залог незыблемости всего порядка жизни (здесь у него есть дом, пахнущий свежим хлебом и сибирскими шаньгами, есть сын – продолжатель рода, есть простые хозяйственные дела вроде чистки навоза – есть то, о чем герой сном-духом предположить не мог, гонимый ветрами истории).

¹ Беловодье рассматривается ныне как один из топосов сибирской идентичности, см.: [31].

² Фактография воспоминаний главного героя романа основана на документах периода гражданской войны в Горном Алтае. В частности, упоминается исторический *снежный поход*, закончившийся гибелью есаула Кайгородова и предъявлением его головы жителям окрестных сел; ко времени публикации романа он уже был известен всей стране [32]. Заметим, Горький настоятельно рекомендовал Зазубрину оставить в тексте сцену «с головой бандита» как «существенную часть социально-культурной педагогики романа» [21. С. 293].

В историческую эпоху, когда жизнь человека могла оборваться в любую минуту, писатель ищет точку опоры не в современности, а в вечности: «Горы лежали белые и голые. Впадины их темнели круглыми кратерами мертвых вулканов. Голубые языки ледников висели над чернотой ущелий. Охотник долго смотрел на небо. Над его головой текли синие реки вселенной. Вечность была занята своим делом – переливала из сосуда в сосуд» [29. С. 238]. И герою Зазубрина, не вписывающемуся в соцреалистическую схему образа коммуниста, как и его деду, хочется, чтобы «и у него дети пахали свои поля рядом с его полем, чтобы и его внуки сеяли со своими отцами. Он хочет жить вечно» [29. С. 251]¹.

С вечностью и незыблемостью природного порядка связана в романе линия коренного населения высокогорья, собирательно называемого Зазубриным *алтайцами*, именно они в романе (в отличие от пришлых старообрядцев) во всех жизненных ситуациях поступают так, как их отцы, деды и прадеды. Историю заселения алтайского высокогорья Зазубрин описывает в свете идеологии сибирских областников «Сибирь как колония» (русские, незаконно проникавшие на земли имперских инородцев, вытеснили алтайцев в самые неподходящие для жизни места, и к ним потому отношение враждебное²). Современность не столь однозначна, но автор, ранее подвергшийся серьезным идеологическим обвинениям³, все же остается верен себе⁴ – он сосредоточен более на этническом, нежели на идеологическом ракурсе описания инородцев⁵.

¹ О концепции героя в романе «Горы» см. [33].

² Это общее место столичных публикаций об Ойротии 1920–1930-х гг. «Отступавшее под колонизационным натиском последних десятилетий туземное население живет сейчас по преимуществу вдали от главных путей, по горным долинам и речкам и довольно туго оттуда извлекается» [34. С. 274].

³ Так, в Резолюции бюро Крайкома ВКП(б) о журнале «Сибирские огни» имя В. Зазубрина упоминалось в определениях трех из четырех самых серьезных «идеологических ошибках», в которых обвинялось издание: 1) он вносил в журнал «элементы областничества» и «провинциальной ограниченности»; 2) неправильно отражал «советскую действительность»; 3) допускал «ревизию основных положений марксистской методологии в области художественной критики и искусства» [35].

⁴ Один из первых критиков, пытаясь определить стилистическую манеру В. Зазубрина, отметил «фанатическое и воинственное устремление его ко всему здоровому человечески-яркому» и «жестокую безразличную и откровенную ненависть к худосочному, пошлому, поганящему «землю чистую» [36. С. 212].

⁵ Термин «инородцы» как юридически нейтральный употребляется до сего времени литературоведами при раскрытии имиджологической тематики (синонимы «малые народы», «национальные меньшинства», «туземцы»). «В соцреалистической прозе <...> был выработан ряд сюжетно-мотивных клише, повествующих о судьбе инородца, сначала стра-

Знатока алтайского фольклора¹ и алтайских традиций, Зазубрин включает в текст романа описания жилища алтайцев (аил, юрта), одежды (шубы, шапки с кисточками), занятий (конечно, не обошлось без описания выгонки молочной самогонки-араки), воспроизводит подробности поведения алтайцев во время охоты на медведей, детали обряда весеннего шаманского камлания Ульгеню, сопровождая эти сцены соответствующими устно-поэтическими текстами.

Первое такое описание связано с мотивом дороги – остановка в алтайской юрте по пути в Белые ключи (юрта – жилище без углов, в ней происходит своеобразная примерка героем нового пространства): «Безуглый вошел в юрту. Полуголые алтайцы сидели около пылающего очага. В круглом чугунном котле кипел чай. Старуха в рыжих овчинных штанах возилась с берестяной зыбкой, молодая женщина курила трубку, кормила грудью ребенка. У стен стояли кожаные мешки с кислым молоком, кучей валялись шубы. Над головами сушилась шкура небольшого зверя.

Старуха взяла у женщины ребенка, положила его в зыбку, зажгла пучок сухого вереска.

Тридцатоголовая огонь-мать,
сорокаголовая девица-мать,
варящая все сырое,
оттаивающая все мерзлое,
опустись, окружи и будь отцом,
опустись, покрой и будь матерью...» [29. С. 191].

Древнее заклинание огня² переносит Безуглого в мир предков – «столетия стремительно протекли назад» (в первой части романа герой никак не может заставить себя смотреть в будущее, как того требует партийная дисциплина, подчиняться которой он обязан, хотя

дающего от царского гнета, а потом перестраивающего вековые основы собственной жизни (это воплощение применительно к реалиям геокультурной периферии инварианта социалистического сюжета с неперменным идейным возрастанием героя)» [37. С. 96].

¹ В 1934 г. Зазубрин закончил редактирование русского перевода алтайского героического сказания «Когутэй», выбранного для столичного издательства исключительно по причине того, что в отличие от известных эпических текстов, записанных *буржуазными* исследователями, где действуют богатыри-*аристократы*, главным героем сказания является бедняк Когутэй и его приемный сын Бобренок, побеждающие могущественного и богатого Караты-Кана. Редактор, искренне любивший горный Алтай, писал: «В сказке перед читателем пройдет жизнь кочевника... он увидит скотовода-алтайца, с ласковой иронией рассказывающего о себе и о своей огромной, сказочной родине» [38. С. 8].

² Образ От-Эне (Мать-огонь) в мифологии алтайцев связан с культом предков, активно изучавшимся в раннесоветскую эпоху [39].

его постоянно тревожит мысль о начале хлебозаготовок, в ходе которых придется столкнуться с людьми, спасшими в свое время ему жизнь). В действительность Безуглого возвращает истрепанный номер газеты с фотографией сына хозяина юрты, учащегося в Ленинграде.

В сюжете романа с Безуглым личным знакомством связан алтаец Анчи¹ Енмеков – это он когда-то показал красному командиру единственный горный проход в Кобанду, где было покончено с бандой Огородова. Всякий раз появление Анчи на страницах романа сопровождается этнобытовыми деталями, о дружбе на крови Безуглый старается забыть. Анчи – носитель исторической памяти этноса, он «помнит рассказы стариков» о буколическом Алтае, это он повторяет утверждение «обнищал отец Алтай», в его устах звучат реминисценции В.Я. Шишкова: «Были алтайцы хозяевами богатыми, стали батраками бедными. Золотом и серебром, отнятым у них, можно замостить весь Чуйский тракт, из слез их собрать вторую многоводную Катунь» [29. С. 208]². Это он утверждает, что «Алтай, разоренный русскими, добр по-прежнему к своим детям-алтайцам» [29. С. 209]. Анчи устраивает обряд весеннего поклонения Алтаю, приглашая на него шамана Мампыя³.

Сцены камлания – одни из самых поэтичных в романе. Они даны с двух точек зрения – *своей* (переводит и комментирует мифопоэтику шаманской мистерии выпускница КУТВ Темирбаш) и *чужой* – Безуглый. В описании действий шамана и собравшихся из окрестных долин алтайцев усматривается реализация Зазубриным теоретических положений о характере изображения сибирского туземца, высказанных в полемическом запале против стилистики Г. Пушки-

¹ Анчи – досл. алт. охотник. Когда основоположник алтайской советской литературы П.В. Кучияк будет работать над стилизованной под фольклорный текст поэмой «Зажглась золотая заря» (о технологии создания поэмы писал С. Кожевников [40. С. 8–10]), он даст имя Анчи главному герою произведения [41. С. 15–24].

² Ср. «Весь бы этот тракт серебром можно вымостить, да золотом, что загребли-захапали купцы у алтайцев и монголов. Весь бы тракт можно слезами залить, что сочились из узких глаз полудиких, с чистой душой кочевников; такой большой обидой и горем наделил их русский, неистовый, алчный хищник» [42. С. 274]. Зазубрин был знатоком сибирики в искусстве, в публицистике он постоянно подчеркивал роль книг и чтения в жизни писателя, например, гимн книге звучит в рассказе о посещении научной библиотеки ТГУ [43. С. 390–391].

³ После знаменитого «Сибирского вечера», устроенного Г. Потаниным в 1909 г. в Томске, куда приглашен был с Алтая шаман (кам) Мампыл [44, 45, 46], имя этого шамана стало переходить из книги в книгу – практически все ойротские камы в раннесоветских текстах стали Мампыями (Мампылами).

рева, напечатавшего своё первое художественное произведение об алтайцах в «Сибирских огнях» [47]: «Пушкареву не удалось алтайцы. Пушкарев пишет о туземце так, как когда-то писали “кающиеся” дворяне о крестьянах. Я думаю, что этой “болезнью” кающегося дворянина страдает не один сибирский писатель, когда подходит к изображению туземца. Уж очень мы его жалеем, боимся обидеть. Стараемся представить как можно лучше. Я думаю, что туземцы не нуждаются в этой жалости. Туземца нужно давать стихийно и просто, как стихийен и прост он сам. А то выходит уж очень неубедительно» [20. С. 188].

В сценах камлания Зазубрин не сосредоточивается на реалистических подробностях раздиранья жертвенной лошади, хотя и описывает их, ему важны именно стихийный порыв, реакция участников. «Мампый метался в тысячелетней тоске земных тварей по крыльям. В его песнях жила древняя и гордая мечта человека о захвате вселенной. Он бормотал:

Смотря глазами сквозь гору,
сквозь землю проникая думой...

За огненным кругом костра начинались сумерки изначального хаоса. Люди-дети беспечно пели свои дерзкие песни на самом краю мира. Они утверждали, что вселенная – только пастбище их коней, звезды – колья золотой коновязи. Ведь жертвенная кобыла была привязана не к березе, а к Полярной звезде» [29. С. 212–213]. Эпическая наполненность сцен камлания резко перечеркивается записью Безуглого: «Мампый, шаман, очень авторитетен. Кампанию начать через газету из Улалы. Договориться с Темирбаш» [29. С. 212–213]. Но... алтайке Темирбаш, дочери Анчи, «хочется самой взять бубен, петь, кричать»...

Сыновья старого Анчи – Эргей и Эрельдей отправляются с Безуглым на медвежью охоту. В сценах охоты Безуглый и его русские спутники инородны природной среде, с которой алтайцы органично слиты. Братья, готовясь к охоте, сборы и выезд провели «по нерушимым правилам предков. Дорогой они прошептали обращение к Алтаю:

В старину отцы наши ходили,
теперь мы, молодые, идем,
кружимся и потеем, неумелые парни.
Из охотничьей сумы нам часть дай,
Из твоей дичи нам хотя бы одну покажи...» [29. С. 216].

Они и первого медведя добыли так, как это делали их предки (тут Зазубрин, страстный охотник, описывает диковинный для равнинных охот способ убийства зверя при помощи «большого деревянного шара, утыканного длинными, острыми гвоздями с бородками, как у рыболовных крючков»; такой колючий клубок, брошенный зверю, связывает его лапы с мордой – и в этот момент охотник всаживает в него нож). Отважные звероловы-алтайцы совершают множество ритуальных действий и перед началом охоты, и над тушей убитого зверя, чтобы духи не узнали об убийстве одного из прадедов.

Тема первопредка прерывает повествование об охоте рассказом о звериной страсти основателя Белых ключей Магафора, ради обладания женщиной убившего двух своих родных братьев. Этот частный случай на одном из путей в Беловодье влечет за собой повествование о русской колонизации Сибири. Описанный в романе захват русскими долины реки Талицы в миниатюре отражает захват всей Сибири. Зазубрин гиперболизирует мотив крови и звериных инстинктов, рассказывая о закладке Белых ключей – воспоминания автора о недавно пережитом и описанном в «Двух мирах» и в «Щепке» не дают ему покоя. Зверь в человеке, пещерный предок живет в каждом¹.

Сцены охоты позволяют Зазубрину вербализовать идеологическую концепцию героя-коммуниста. Лексика и стилистика описания естественного хода природной жизни (сцена медвежьей свадьбы) начинают восприниматься как эпическое продолжение стихотворения О. Мандельштама 1922 г. «Век» (Век мой – зверь мой...), ср.: «Безуглый думал, что он должен будет сейчас вмешаться в дела огромного звериного мира, должен будет останавливать движение и рев стихии. Он – один слабый человек» [29. С. 233].

После охоты в юрте старого Анчи, по алтайской традиции щедро разделившего добычу сыновей со всеми людьми айла, Безуглый вновь раздумывает над колонизационными страницами истории Алтая. Среди гостей Анчи появляется Аргамай Кудачников (исторический прототип эпизодического персонажа – знаменитый конноза-

¹ Это не вписывалось в систему идеологических требований, предъявляемых партией к литературе. «На его палитре черное лежало рядом с красным, и ему не удавались полутона. Натуралистическая обнаженность бытовых сцен, за что его хвалили отдельные товарищи по литературному цеху, оставалась его слабостью. Он пытался, по его же собственным словам, повалить в себе зверя, но это оказалось делом нелегким» [48. С. 113]. Коптелов, рассказывая о совместной с Зазубриным поездке по Ойротии в 1934 г., подчеркнул, что после прочтения автором сцены срезки рогов маралов, «написанной в натуралистических тонах» (см.: [29. С. 341–345]), слушатели-политработники МТС «не решаясь высказывать критических замечаний, чувствовали себя неловко» [48. С. 125].

водчик-алтаец Аргамай Кульджин, в раннесоветскую эпоху ставший символом жадности и классового врага, см. [49]), и впервые на страницах романа начинают декларативно звучать актуальные идеологемы: алтайцам не нужны баи; национальное возрождение Ойротии...

Во второй части романа происходит перерождение героя из человека в коммуниста: один, запертый от назойливых посетителей в бане (баня в русской традиции – место появления на свет нового человека), Безуглый перелопатил записи, сделанные во время долгого пути на Алтай. Карта советских восточных владений представилась ему мощным дремучим материком. Бездорожье. Безлюдье. Бедная, отсталая страна, несмотря на все свои чудовищные богатства. «Безуглый написал в тезисах к докладу “сволочь природа”. В двух словах он соединил гнев и возмущение» [29. С. 271]. Безуглый рвет пуповину, связывающую его с исконными человеческими ценностями, с простыми человеческими радостями. «Коммунист скакал и испуганно косился назад. Всаднику почему-то казалось, что по дороге, поднимая длинный, серый кипящий поток пыли, невидимо волочится огромная безобразная его пуповина» [29. С. 318].

Герой все чаще именуется Зазубриным *коммунистом*. Яркое и живое описание охотников-алтайцев (Анчи с сыновьями) редуцируется до шаблонного: теперь они – активные участники новой жизни, плотогоны, «у них был жесткий договор. Лес сплавлялся на постройку Турксиба» [29. С. 332]. Внешне всё соответствует требованиям национальной политики, проводимой Сталиным: все проявления великодержавного шовинизма клеймятся *коммунистом*, представители отсталого народа бодро шагают в светлое будущее. Но нотка тревоги подспудно звучит в романе, она прорывается во фразе Дитятина: «За индустриализацию я головой, а, сказать по совести, сердце знобит, как вздумано, что станет с Алтаем» [29. С. 285].

Над финалом романа нависает фигура Сталина, выписанная по личным впечатлениям Зазубрина, присутствовавшего на XV съезде партии¹. «Он был спокоен. Он видел, как в обвалах войн и револю-

¹ Спокойствие – лейтмотивная черта образа Сталина, запечатленного Зазубриным, см.: [50. С. 380–382]. Дегеронизация (бытовой взгляд на видных партийных деятелей, присутствовавших на съезде, несогласие с «иконным» образом Сталина в литературе) считается одной из причин гибели Зазубрина. Осторожный А. Коптелов упрекал Зазубрина еще даже в 1971 г. за неправильное описание съезда в записных книжках: «...ни слова писатель не сказал о курсе на широкую коллективизацию сельского хозяйства, о наступлении социализма по всему фронту. Ни слова о Директивах по составлению пятилетнего плана» [48. С. 115].

ций, точно в первозданном хаосе, шли горнообразовательные процессы, возникали материка нового мира» [29. С. 281].

Эта расхожая метафора ставит все на свои места: тектонические процессы уничтожат в том числе и «благостный голубой Алтай», который раскрывает перед героями романа свои крепкие ладони, «человеку тут все дадено, как в раю – земля, вода, лес, звери...» [29. С. 310]. На фоне этой земной благодати главный герой в романе Зазубрина трагически несчастен: его обвинили в сокрытии социального происхождения, жена-активистка изуродовала себя криминальным абортom и находится при смерти, сын попал под копыта пьяного жеребца... В гармонию Вселенной внесен разлад (подспудно в этом ощущается трагизм личной судьбы художника после 1928 г.¹), вечность стремительно сжалась в мгновение, в которое Безуглый схватил ружье. Возможно, снова сведя героя до фигуры «человека с ружьем» (см. в начале романа воспоминания Безуглого о гражданской войне), В. Зазубрин не смог продолжить трилогию...

Эпико-романтический пафос зазубринского воображения гор и их коренных насельников буквально заразил прозаиков Н. Зарудина и И. Катаева, и известный творческий тандем в 1935 г. оказался в Горном Алтае². «Писатели едут по приглашению ойротского обл-исполкома и по зданию редакции «Новый мир» с целью написать книгу об Ойротии» [53. С. 184]. В горах их более всего интересовали старообрядцы – с Уймоном и «потомками Аввакумов» Катаева и Зарудина познакомил друг Зазубрина, Ефим Пермитин (редактор журнала «Охотник и пушник Сибири», в литературном отделе которого охотно печатались столичные писатели), к тому времени вслед за Зазубриным перебравшийся в Москву [54. С. 100]. Странствовали в горах московские писатели все лето, и судьба распорядилась так, что их последними произведениями оказались произведения, написанные на алтайском материале.

Очерк Н. Зарудина «Прекрасная Ойротия» [55], на наш взгляд, самое позитивное произведение о довоенном Горном Алтае. Этот текст ни разу не переиздавался, большая часть тиража журнала была изъята из библиотек после расстрела писателя.

¹ См. реконструкцию последнего периода жизни Зазубрина в работе В. Яранцева [51].

² «Катаева и Зарудина связывала многолетняя теснейшая дружба. И если Зарудин нескрывая обожал Ивана Катаева, то Катаев, во всяком случае, очень любил Зарудина. Это была тесная, известная всем и во многом примерная дружба писателей», – вспоминал Э. Миндлин. Мемуарист особо подчеркнул небезопасное в ту пору отстаивание Катаевым идеи русского национального языка и русской национальной литературы [52. С. 375–376].

Горная страна в путевых заметках Зарудина действительно прекрасна! Прекрасны её горы, прекрасны её люди (в поездке писателей сопровождает зачинатель алтайской советской литературы Павел Кучияк, фамилия его не называется, но он именуется в тексте по-алтайски Ит-кулак – Собачьи Уши (к счастью, узурпировавший ойротскую тему в довоенной литературе А.Л. Коптелов в то лето отправился с альпинистами на Белуху [53. С. 183] и не успел «отравить» москвичей своим *социологическим*, по определению Н. Острогорского [56. С. 154], видением Ойротии). Перед читателями журнала «Наши достижения» Павел Кучияк предстает истинным достижением нового строя, этот «лукавый артист, вечно молодой Собачьи Уши». Он показывает столичным литераторам Ойротию эффектно, как на сцене.

Ойротия – это не только «камень, лес и вода... пропасти, скалы, камни» [55. С. 96], это восхитительные пейзажи и бесконечный путь, позволяющий не заострять внимание на героях и антигероях новейшей истории региона. Имена Петра Сухова и Ивана Долгих к тому моменту уже хрестоматийны, но как талантливо они вписаны в текст очерка: «Я видел реку необычного цвета с именем Кучерла; она спускается с гор в одном переходе от Катанды, села, где Иван Долгих стал вечной легендой, достав своей шашкой голову есаула Кайгородова. Это – чудесная река» [55. С. 96]. Конечно, читатель запомнит не голову Кайгородова, а чудесную реку.

По мере продвижения вглубь Алтая обжитой русский мир Уймонской долины меркнет на фоне «снежного блеска баснословных вершин». «Бурный, каменный Алтай, как он назван сказочниками, громоздится все выше и неприступнее. Все грознее ревут лохматые реки, все лиловее темнеют хребты. <> Вечно собирается что-то, ходит вокруг вершин, творит свою потаенную работу, неведомую нам, – столпотворение дымов, мраков, паров...» [55. С. 96–97]. Самые яркие страницы очерка посвящены колхозу Кучерла, главная достопримечательность которого не председатель колхоза, который на Всесоюзном съезде колхозников разговаривал с самим Сталиным, а фосфорическая река – «величавый световой жгут», «кипящее счастье движения». И покой – «девственная тишина». Символом покоя и гармонии смотрится фотоиллюстрация – «Кержаки горного Алтая, на пасеке, в селе Катанда. Еще сохранились кое-где старинные поярковые шляпы, сапоги с набором, пояски с кисточкой, – остатки того, чем внешне отличался кондовый, консервативный кержацкий быт.

Кержаки были хорошими пчеловодами и умели пользоваться богатейшими цветочными угодьями горных лугов...» [55. С. 101].

В рассказе «Под чистыми звездами», опубликованном после реабилитации, спутник Зарудина Иван Катаев вторит своему товарищу и описанием Уймонской долины, и общей тональностью восхищения красотой природы и красотой человеческих поступков. Описан один вечер на сенокосе. Завораживает поэзия труда – соревнуясь, два звена мечут стога, финал их работы наблюдают случайно попавшие к ним путешественники. Ведя повествование от первого лица, Катаев с тактом и сдержанностью рассказывает о случайно подслушанной тайне бригадира Аполлинарии Лесных – «из кержачек», неброской красоты труженицы, и её возлюбленного Тимки Вершнева об их высоком чувстве.

Ойротия в воображении Катаева – это «уединенная горная страна, из тех, что всегда так властно манят в путешествие своей как бы вечно недостижимой синевой. Её резко увеличивали резкие ледяные вершины Катунских Альп...». Пожалуй, Катаев был единственным писателем той поры, попытавшимся определить свое отношение к высокогорью не через социологические категории, а через общечеловеческие этические: «Подступало странное, составное чувство родины и чужбины – его уже не раз испытывал я на Алтае» [57. С. 376].

В произведениях трех ярких русских писателей Ойротия (Горный Алтай) – не место политически правильного «великого кочевья»¹, а поистине художественное открытие. Все трое страстные охотники и неутомимые путешественники, они оказались во власти высокогорья настолько, что фактически проигнорировали рекомендованные к литературному освещению «символические признаки национальной идентичности» [62. С. 25] малых народов. А это потенциально могло утяжелить перечень тех преступлений, которые были поставлены им, сгинувшим во время Большого террора, в вину [63, 64].

¹ Ни читатели [58], ни критики [56, 59], ни участники новосибирской дискуссии о формализме и натурализме в советском искусстве [60] не отметили художественные достоинства только что опубликованного романа А. Коптелова «Великое кочевье» [61], но все они дружно твердили о *правильном методе* писателя, в заслугу которому ставился выбор темы – переход алтайцев с кочевого образа жизни на оседлый, создание колхоза. Отмечалось, что роман содержит весьма богатый материал о быте, психологии, семейных отношениях, трудовых процессах ойротов; имеет большое воспитательное значение, так как «по пути развития ойротов при советской власти пойдут потом десятки колониальных и полуколониальных народов мира» [59. С. 108].

Литература

1. *Сибирская советская энциклопедия*: в 4 т. Т. 1: А–Ж / под общ. ред. М.К. Азодовского [и др.]. М.: Сибкрайиздат, 1929. 525 с.
2. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.
3. *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого / пер. с фр.; общ. ред. С.К. Цатуровой. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. 440с.
4. *Вульф Л.* Изобретая восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения / пер. с англ. И. Федюкина. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
5. *Шенк Б.* Ментальные карты. Конструирование географического пространства в Европе со времени эпохи Просвещения // Новое литературное обозрение. 2001. № 52. С. 42–61.
6. *Добренко Е.* Скромное обаяние ранней советской культуры // Новый мир. 1998. № 4. С. 235–239.
7. *Сорокин В.* Теллурия. М.: Corpus, 2013. 448 с.
8. *Тадина Н.А.* «Ойрот» как символ государственности в этническом сознании алтайцев // Материалы Междунар. науч. конф. «Единая Калмыкия в единой России: через века в будущее». Ч. 1. Элиста, 2009. С. 424–427. URL: http://www.kyrgyz.ru/articles/altaian/tadina_na_oyrot_kak_somvol_gosudarstvennosti_v_etnicheskom_soznanii_altaytsev/ (дата обращения: 20.09.2016).
9. *Слезкин Ю.* СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность // Американская русистика: Вехи историографии последних лет: антология. Советский период. Самара, 2001. С. 329–374.
10. *Сибирская советская энциклопедия*: в 4 т. Т. 4: О–С. Новосибирск: Сибкрайиздат, [1932]. 548 с.
11. *Никонова Т.А.* Мифология «нового мира» и тенденции развития русской литературы первой трети XX в.: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2004. 357 с.
12. *Вьюгин В.Ю.* Политика поэтики: очерки из истории советской литературы. СПб.: Алетейя, 2014. 396 с.
13. *Московская Д.С.* Локально-исторический метод в литературоведении Н.П. Анциферова и русская литература 1920–1930-х гг. (Проблемы взаимосвязей краеведения и художественной литературы): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 40 с.
14. *Гжицкий В.З.* Черное озеро / авториз. пер. с укр. К. Трофимова. М.: Сов. писатель, 1960. 307 с.
15. *Разумный А.* У истоков: Воспоминания кинорежиссера. М.: Искусство, 1975. 144 с. URL: http://www.razumny.ru/u_istokov.pdf (дата обращения: 20.09.2016).
16. *Дашибалова И.Н., Базаров А.А.* Кинофиксация бурят: советский репертуар в диахронии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 2 (73). С. 180–192.
17. *Чанский Е.* Заваруха. М.: ЗИФ, 1930. 390 с.
18. *Ансон А.* Очередная литхалтура // Сибирские огни. 1930. № 8. С. 125–126.
19. *Мальцев Л.* Из литературного прошлого Бийска // Алтай. 1978. № 4. С. 60–62.
20. *Зазубрин В.* Проза «Сибирских огней» за пять лет // Сибирские огни. 1927. № 2. С. 185–201.
21. Литературное наследство Сибири. Т. 2: Владимир Яковлевич Зазубрин: художественные произведения, статьи, доклады, речи, переписка. Воспоминания о

В.Я. Зазубрине / гл. ред. Н.Н. Яновский. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во. 1972. 446 с.

22. *Кондаков Г.* Создание зрелой кисти: А.М. Горький и история написания романа В.Я. Зазубрина «Горы» // Алтай. 1981. №4. С. 104–108.

23. *Яновский Н.Н.* Жизнь и творчество Владимира Зазубрина // Яновский Н.Н. Писатели Сибири: избранные статьи. М., 1988. С. 139–223.

24. *Горшенин А.В.* Неезженными дорогами // Зазубрин В.Я. Бледная правда: художественная проза, публицистика. М., 1992. С. 430–445.

25. *М. Горький.* Неизвестные страницы истории (материалы и исследования) / отв. ред. Л.А. Спиридонова. М.: ИМЛИ РАН, 2014. 727 с. (М. Горький. Материалы и исследования. Вып. 12).

26. *В.В. «Горы».* На обсуждении романа В. Зазубрина в Оргкомитете // Литературная газета. 1934. № 57.

27. Против формализма и натурализма в искусстве: сб. ст. М.: ОГИЗ-ИЗОГИЗ, 1937. 79 с.

28. *Коптелов А.* Антихристово время // Сибирские огни. 1925. № 4–5. С. 93–114.

29. *Зазубрин В.Я.* Горы // Зазубрин В.Я. Общежитие / сост. Г. Арабескин. Новосибирск, 1990. С. 169–368.

30. Повесть временных лет / подгот. текста, пер., ст. и коммент. Д.С. Лихачева. СПб.: Наука, 1996. 670 с.

31. *Непомнящих Н.А.* Беловодье как «общее место»: современные литературные и иные интерпретации // Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XXI веков / отв. ред. Н. Ковтун. М., 2016. С. 190–202.

32. *Долгих И.* Рассказ о «снежном походе» // СССР на стройке. 1932. № 9.

33. *Суматохина Л.В.* Концепция личности М. Горького и роман В.Я. Зазубрина «Горы» // М. Горький и культура. Горьковские чтения 2010 г.: материалы XXXIV междунар. научн. конф. Н. Новгород, 2012. С. 75–84.

34. *Шкапская М.* В плетеном коробке // Шкапская М. Сама по себе. Л., 1930. С. 267–288.

35. *Резолюции* бюро Крайкома ВКП(б) о журнале «Сибирские огни» // Сибирские огни. 1928. № 4. С. 225–226.

36. *Тихменев Ф.* О литературных «зазубринках» В. Зазубрина // Сибирские огни. 1928. № 2. С. 212–227.

37. *Разувалова А.И.* Образ северного инородца в прозе В.П. Астафьева // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2013. № 4 (24). С. 96–109.

38. *Зазубрин В.Я.* Предисловие // Алтайский эпос Когутэй / сказитель М. Ютканаков; пер. Г. Токмашова; ред. В. Зазубрина; коммент. Н. Дмитриева. М., 1935. С. 7–11.

39. *Дыренкова Н.П.* Культ огня у алтайцев и телеутов // Сборник Музея антропологии и этнографии. Вып. 6. Л., 1927. С. 28–33.

40. *Кожевников С.* Первые страницы алтайской литературы // В родных долинах. Новосибирск, 1939. С. 3–24.

41. *Творчество народов СССР.* М.: Ред. «Правды», 1938. 545 с.

42. *Шишков В.Я.* Чуйские были // Шишков В.Я. Тайга: повесть, рассказы, очерки / сост. Н. Яновский. Новосибирск, 1975. С. 274–293.

43. *Зазубрин В.Я.* Неезженными дорогами // Зазубрин В.Я. Общежитие. Новосибирск, 1990. С. 388–413.

44. *Адрианов А.В.* К сибирскому вечеру // Сибирская жизнь. 1909. № 38.

45. Вяткин Г. На сибирском вечере // Сибирская жизнь. 1909. № 41.
46. Пребывание кама в Томске // Сибирская жизнь 1909. № 46.
47. Пушкарев Г. Младенцы гор // Сибирские огни. 1922. № 5. С. 75–82.
48. Коптелов А.Л. Башлык // Коптелов А.Л. Минувшее и близкое: воспоминания, статьи, очерки. Новосибирск, 1972. С. 103–129.
49. Трудовой В. Аргамай // Сибирские огни. 1927. № 5. С. 29–43.
50. Зазубрин В.Я. Заметки о ремесле // Зазубрин В.Я. Общежитие / сост. Г. Арабескин. Новосибирск, 1990. С. 370–387.
51. Яранцев В. Зазубрин // Сибирские огни. 2010. № 12. С. 170–181.
52. Минлдин Э.Л. Необыкновенные собеседники: книга воспоминаний. М.: Сов. писатель, 1968. 490 с.
53. Хроника // Сибирские огни. 1935. № 4. С. 183–184.
54. Пермитин Е. Мир художника // Воспоминания об Иване Катаеве. М., 1970. С. 89–107.
55. Зарудин Н. Прекрасная Ойротия // Наши достижения. 1936. № 11. С. 92–109.
56. Острогорский Н. О второй книге романа «Великое ключевье»: второе открытое письмо автору – тов. Коптелову // Сибирские огни. 1935. № 5. С. 151–57.
57. Катаев И. Под чистыми звездами // Катаев И. Под чистыми звездами: повести, рассказы, очерки. М., 1969. С. 374–396.
58. Обсуждение романа Коптелова «Великое кочевье» // Сибирские огни. 1935. № 4. С. 174–176.
59. Острогорский Н. О романе «Великое кочевье» А. Коптелова: открытое письмо автору // Сибирские огни. 1934. № 5. С. 108–111.
60. Против формализма и натурализма // Сибирские огни. 1936. № 2. С. 98–109.
61. Коптелов А. Великое кочевье // Сибирские огни. 1934. № 3. С. 1–133; 1935. № 3. С. 1–167.
62. Мартин Т. Империя положительной деятельности: Нации и национализм в СССР, 1923–1939 г. М.: РОССПЭН, 2011. 855 с.
63. Шенгалинский В. Расстрельные ночи // Звезда. 2007. № 5. С. 67–102.
64. Яранцев В. Последняя ночь Зазубрина // Москва. 2011. № 7. С. 190–201.

Shastina, Tatyana P. Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russian Federation). E-mail: tshliteratura@mail.ru

OIROTIA – GORNY ALTAI: A NATIONAL PROJECT IN EARLY SOVIET LITERATURE (MOUNTAINS BY V.YA. ZAZUBRIN)

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2016, 2(6), pp. 113–135. DOI: 10.17223/24099554/6/8

Keywords: Oirotia, Altai people, national minorities, V.Ya. Zazubrin, novel, ideology.

The paper studies the novel *Mountains* (1933) written by V.Ya. Zazubrin in the context of the early Soviet literary interpretation of Oirotia as an eastern national periphery (the novel was preceded by V. Gzhitsky's *The Black Lake* and followed by A. Koptelov's *The Great Migration*). The cultural and ideological context of the novel is based on the chronicle of Siberian literary life of 1922–1936 depicted in *Sibirskie Ognj*.

Giving a new name of Oirotia to Russian / Gorny Altai, the writer interprets it as a translation into the category of the imaginary. The novel name of the new autonomous region and its residents corresponds to the mythology of “a new world”, which made it possible for writers to construct a space for the early stage of the Soviet nation building, i.e.

to show a symbolic travelogue of underdeveloped peoples into a better tomorrow. The imaginary nature of Oirotia is coded in its name: the *Oirots* never lived in Russian Altai, they never spoke the *Oirot language*. The *Oirots* (Oirats) are the Western Mongolians. The starting message of the research is that, being far from cultural centres of the country and due to its mountainous landscapes and ethnic heterogeneity, Russian (Gornyy) Altai remains in Russian consciousness an imaginary, rather than visualized, space (see V. Sorokin's *Tellurion*). The imaginary Oirotia is constructed within the frontier, colonial (oriental) and ideological discourses.

When the ideologeme of wildness and backwardness used for almost all national outskirts of the USSR is used for Oirotia, it is enriched with a traditional archetype of a God-forsaken place traditional for the Siberia text of the Russian culture. It is in this place where Ivan Bezugly, the main character in Zazubrin's novel, finds his home and family. He perceives the mountains as a guarantee of inviolability of the world.

The inviolability and timelessness of the natural world is important for the theme of indigenous people of the highlands who get a collective name of *Altaitsi*, or the Altai people, in Zazubrin's novel. Unlike Old Believers, who are perceived as alien, the Altai people belong to this place, they follow in the footsteps of their ancestors (scenes of their everyday life, hunting, shaman practices).

Zazubrin describes the colonisation of Altai mountains in the light of the ideologeme of "Siberia as a colony". What understood as modern is not as simple as black and white, yet the author, who had been seriously criticized for his views, clings to his convictions – describing the Altai people he is focused on ethnic and cultural rather than ideological aspects.

The book by Zazubrin is in a significant contrast to ideologically marked "Oirot" texts in terms of its ontological theme, which becomes most overt after addressing N. Zarudin's *Beautiful Oirotia* and I. Kataev's *Under Clear Stars*.

References

1. Azadovsky, M.K. (ed.) (1929) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: In 4 vols]. Vol. 1. Moscow: Sibiryaizdat.
2. Kagansky, V.L. (2001) *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [The cultural landscape and the Soviet habitable space]. Moscow: NLO.
3. Le Goff, J. (2001) *Srednevekovyy mir voobrazhaemogo* [The medieval world of imaginary]. Translated from French by E.V. Morozova. Moscow: Progress.
4. Wolff, L. (2003) *Izobretaya vostochnuyu Evropu. Karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe. The Map of Civilization on the Mind of the Enlightenment]. Translated from the English by I. Fedyukin. Moscow: NLO.
5. Shenk, F.B. (2001) Mental'nye karty. Konstruirovaniye geograficheskogo prostranstva v Evrope so vremeni epokhi Prosveshcheniya [Mental maps. The construction of the geographical area in Europe since the Enlightenment]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 52. pp. 42–61.
6. Dobrenko, Ye. (1998) Skromnoye obayaniye ranney sovetskoy kul'tury [A discreet charm of the early Soviet culture]. *Novyy mir*. 4. pp. 235–239.
7. Sorokin, V. (2013) *Telluriya* [Telluris]. Moscow: Korpus.
8. Tadina, N.A. (2009) ["Oirot" as a symbol of the state in the ethnic consciousness of the Altai people]. *Edinaya Kalmykiya v edinoy Rossii: cherez veka v budushchee* [United Kalmykia in the united Russia: Through the centuries into the future]. Proc. of the International Conference. Elista: NPP Dzhangar. pp. 424–427. [Online] Available from:

http://www.kyrgyz.ru/articles/altaian/tadina_na_oyrot_kak_somvol_gosudarstvennosti_v_e_tnicheskome_soznanii_altaytsev/. (In Russian).

9. Slezkin, Yu. (2001) SSSR kak kommunal'naya kvartira, ili kakim obrazom sotsialisticheskoe gosudarstvo pooschryalo etnicheskuyu obosoblennost' [The USSR as a communal apartment, or how the socialist government encouraged ethnic separateness]. In: David-Fox, M. (ed.) *Amerikanskaya rusistika: Vekhi istoriografii poslednikh let. Antologiya. Sovetskiy period* [Russian Studies in America: Milestones in the historiography of recent years. An anthology. The Soviet period]. Samara: Samara State University.

10. Azadovsky, M.K. (ed.) (1932) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya: v 4 t.* [Siberian Soviet Encyclopedia: In 4 vols]. Vol. 4. Novosibirsk: Sibkrayizdat.

11. Nikonova, T.A. (2004) *Mifologiya "novogo mira" i tendentsii razvitiya russkoy literatury pervoy treti XX v.* [The mythology of the "new world" and the development trends of Russian literature of the early 20th century]. Philology Dr. Diss. Voronezh.

12. Vyugin, V.Yu. (2014) *Politika poetiki: ocherki iz istorii sovetskoy literatury* [Politics of Poetics: Essays on the History of Soviet Literature]. St. Petersburg: Aleteyya.

13. Moskovskaya, D.S. (2011) *Lokal'no-istoricheskiy metod v literaturovedenii N.P. Antsiferova i russkaya literatura 1920–1930-kh gg. (Problemy vzaimosvyazey kraevedeniya i khudozhestvennoy literatury)* [The method of local history in N.P. Antsiferov's literary criticism and Russian literature of 1920s–1930s. (On the relationships of local history and literature)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.

14. Gzhitsky, V.Z. (1960) *Chernoe ozero* [The Black Lake]. Translated from Ukrainian by K. Trofimov. Moscow: Sovetskiy pisatel'.

15. Razumny, A. (1975) *U istokov: Vospominaniya kinorezhissera* [At the source: Memoirs of a Filmmaker]. Moscow: Iskusstvo.

16. Dashibalova, I.N. & Bazarov, A.A. (2014) Representing Buryat Culture in Soviet Documentary Film. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii – The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2(73). pp. 180–192. (In Russian).

17. Chansky, E. (1930) *Zavaruha* [Turmoil]. Moscow: ZIF.

18. Anson, A. (1930) Ocherednaya litkhaltura [Another literary trash]. *Sibirskie ogni*. 8. pp. 125–126.

19. Maltsev, L. (1978) Iz literaturnogo proshlogo Biyska [From the literary past of Biysk]. *Altay*. 4. pp. 60–62.

20. Zazubrin, V. (1927) Proza "Sibirskikh ogney" za pyat' let [The prose of "Sibirskie Ogni" for five years]. *Sibirskie ogni*. 2. pp. 185–201.

21. Yanovsky, N.N. (ed.) (1972) *Literaturnoe nasledstvo Sibiri* [Siberian Literary Heritage]. Vol. 2. Novosibirsk: Zapadno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.

22. Kondakov, G. (1981) Sozdanie zreloy kisti: A.M. Gor'kiy i istoriya napisaniya romana V.Ya. Zazubrina "Gory" [Creation of a mature brush: A.M. Gorky and the history of V.Ya. Zazubrin's "Mountains"]. *Altay*. 4. pp. 104–108.

23. Yanovsky, N.N. (1988) *Pisateli Sibiri: izbrannye stat'i* [Siberian Writers: Selected articles]. Moscow: Sovremennik. pp. 139–223.

24. Gorshenin, A.V. (1992) Neezzhemyi dorogami [Untraveled roads]. In: Zazubrin, V.Ya. *Blednaya pravda: khudozhestvennaya proza, publiitsistika* [The Faded Truth: Fiction, Journalism]. Moscow: Russkaya kniga.

25. Spiridonova, L.A. (ed.) (2014) *M. Gor'kiy. Neizvestnye stranitsy istorii (materialy i issledovaniya)* [M. Gorky. The unknown pages of history (materials and research)]. Moscow: Institute of World Literature RAS.

26. V.V. (1934) "Gory". Na obsuzhdenii romana V. Zazubrina v Orgkomitete ["Mountains". The discussion of V. Zazubrin's novel in the Organizing Committee]. *Literaturnaya gazeta*. 57.
27. Lebedev, P.I. (ed.) (1937) *Protiv formalizma i naturalizma v iskusstve* [Against the formalism and naturalism in art]. Moscow: OGIZ-IZOGIZ.
28. Koptelov, A. (1925) *Antikhristovo vremya* [The Antichrist time]. *Sibirskie ogni*. 4–5. pp. 93–114.
29. Zazubrin, V.Ya. (1990a) *Obshchezhitie* [The Dormitory]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo. pp. 169–368.
30. Likhachev, D.S. (ed.) (1996) *Povest' vremennykh let* [The Tale of Bygone Years]. St. Petersburg: Nauka.
31. Nepomnyashchikh, N.A. (2016) Belovod'e kak "obshchee mesto": sovremennye literaturnye i inye interpretatsii [Belovodie as a "common place": Modern literary and other interpretations]. In: Kovtun, N. (ed.) *Sibirskaya identichnost' v zerkale literaturnogo teksta: tropy, toposy, zhanrovye formy XIX–XXI vekov* [Siberian identity in the mirror of the literary text: tropes, toposes, genre forms in the 19th–21st centuries] Moscow: Flinta.
32. Dolgikh, I. (1932) Rasskaz o "snezhnom pokhode" [A story of the "Snow Campaign"]. *SSSR na stroyke*. 9.
33. Sumatokhina, L.V. (2012) [The concept of M. Gorky's personality and "Mountains" by V.Ya Zazubrin]. *M. Gor'kiy i kul'tura. Gor'kovskie chteniya 2010 g.* [M. Gorky and culture. The Gorky Readings of 2010]. Proc. of the 34th International Conference. Nizhny Novgorod: Begemot. pp. 75–84. (In Russian).
34. Shkapskaya, M. (1930) *Sama po sebe* [By her own]. Leningrad: Izdatel'stvo pisateley.
35. Anon. (1928) Rezolyutsii byuro Kraykoma VKP(b) o zhurnale "Sibirskie ogni" [Resolutions of the Bureau of the All-UnionCP(b) Regional Committee about the magazine "Sibirskie ogni"]. *Sibirskie ogni*. 4. pp. 225–226.
36. Tikhmenev, F. (1928) O literaturnykh "zazubrinkakh" V. Zazubrina [About literary "serrations" of V. Zazubrin]. *Sibirskie ogni*. 2. pp. 212–227.
37. Razuvalova, A.I. (2013) Image of a North "inorodetz" in V. Astafiev's prose. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 4(24). pp. 96–109. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/24/9
38. Zazubrin, V.Ya. (1935) Predislovie [Preface]. In: Zazubrin, V.Ya. (ed.) *Altayskiy epos Kogutey* [The Altay epic Kogutey]. Translated by G. Tokmashova. Moscow; Leningrad: ACADEMIA.
39. Dyrenkova, N.P. (1927) Kul't ognya u altaytsev i teleutov [The cult of fire in the Altaians and Teleutians]. In: Karskiy, E.F. (ed.) *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii* [Collected Articles of the Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad: USSR AS.
40. Kozhevnikov, S. (1939) Pervye stranitsy altayskoy literatury [The first page Altai literature]. In: Kozhevnikov, S. & Kuchiyak, P. *V rodnykh dolinakh* [In the native dales]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
41. Gorki, A.M. & Mekhlis, L.Z. (eds) *Tvorchestvo narodov SSSR* [Creativity of the USSR peoples]. Moscow: Pravda.
42. Shishkov, V.Ya. (1975) *Tayga: povest', rasskazy, ocherki* [Taiga: novel, short stories, essays]. Novosibirsk: Zapadno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
43. Zazubrin, V.Ya. (1990b) *Obshchezhitie* [The Dormitory]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
44. Andrianov, A.V. (1909) *K sibirskomu vecheru* [By Siberian evening]. *Sibirskaya zhizn'*. 38.

45. Vyatkin, G. (1909) Na sibirskom vechere [On Siberian evening]. *Sibirskaya zhizn'*. 41.
46. Anon. (1909) Prebyvanie kama v Tomske [Kham's stay in Tomsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 46.
47. Pushkarev, G. (1922) Mladentsy gor [Infants of the mountains]. *Sibirskie ogni*. 5. pp. 75–82.
48. Koptelov, A.L. (1972) *Minuvshee i blizkoe: vospominan'ya, stat'i, ocherki* [The past and present: Memories, articles, essays]. Novosibirsk: Zapadno-sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
49. Trudovoy, V. (1927) Argamay. *Sibirskie ogni*. 5. pp. 29–43.
50. Zazubrin, V.Ya. (1990c) *Obshchezhitie* [The Dormitory]. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
51. Yarantsev, V. (2010) Zazubrin. *Sibirskie ogni*. 12. pp. 170–181.
52. Minldin, E.L. (1968) *Neobyknovennyye sobesedniki: kniga vospominaniy* [Unusual interlocutors: A book of memories]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
53. Anon. (1935) Khronika [Chronicle]. *Sibirskie ogni*. 4. pp. 183–184.
54. Permitin, E. (1970) Mir khudozhnika [The world of an artist]. In: Terentieva, M. (ed.) *Vospominaniya ob Ivane Kataeve* [Memoirs on Ivan Kataev]. Moscow: Sovetskiy pisatel'. pp. 89–107.
55. Zarudin, N. (1936) Prekrasnaya Oyrotiya [The Beautiful Oirotia]. *Nashi dostizheniya*. 11. pp. 92–109.
56. Ostrogorsky, N. (1935) O vtoroy knige romana "Velikoe klochev'e": vtoroe otkrytoe pis'mo avtoru – tov. Koptelovu [About the second book of the novel "A Great Nomad Encampment": The second open letter to the author – Comrade Koptelov]. *Sibirskie ogni*. 5. pp. 151–157.
57. Kataev, I. (1969) *Pod chistymi zvezdami: Povesti, rasskazy, ocherki* [Under Clear Stars: Tales, stories, essays]. Moscow: Sovetskaya Rossiya.
58. Anon. (1935) Obsuzhdenie romana Koptelova "Velikoe kochev'e" [The discussion of the novel "A Great Nomad Encampment" by Koptelov]. *Sibirskie ogni*. 4. pp. 174–176.
59. Ostrogorsky, N. (1934) O romane "Velikoe kochev'e" A. Koptelova: otkrytoe pis'mo avtoru [About the novel "A Great Nomad Encampment" by A. Koptelov: An open letter to the author]. *Sibirskie ogni*. 5. pp. 108–111.
60. Anon. (1936) Protiv formalizma i naturalizma [Against the formalism and naturalism]. *Sibirskie ogni*. 2. pp. 98–109.
61. Koptelov, A. (1934, 1935) Velikoe kochev'e [A Great Nomad Encampment]. *Sibirskie ogni*. 3. pp. 1–133.
62. Martin, T. (2011) *Imperiya polozhitel'noy deyatel'nosti. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939 g.* [The Affirmative Action Empire. Nation and nationalism in the Soviet Union, 1923–1939]. Moscow: ROSSPEN.
63. Shentalinsky, V. (2007) Rasstrel'nye nochi [Nights of shooting]. *Zvezda*. 5. pp. 67–102.
64. Yarantsev, V. (2011) Poslednyaya noch' Zazubrina [Zazubrin's last night]. *Moskva*. 7. pp. 190–201.